

DOI: 10.34031/2071-7318-2020-5-8-46-60

Монастырская М.Е., Песляк О.А.Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет***E-mail: gradoved@gmail.com*

СПЕЦИФИКА ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КРУПНЫХ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ. ЧАСТЬ I: МОНОПОЛИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ШВЕЦИИ

Аннотация. В статье обоснованы актуальность и целесообразность изучения специфики градостроительного планирования типологически дифференцированных форм урбанизированного расселения Скандинавских стран, результаты проектной детализации и/или предметного воплощения, которого причислены мировым сообществом к эталонам градоформирования. Показано, что основой сохранения и поддержания истари сложившегося «нордического» градостроительного стиля, присутствующего градостроительной культуре Дании, Норвегии, Швеции и потенцирующего «эталонность» проектных моделей и/или пространств и мест обитания, выступают целенаправленные регулирование и оптимизация по критерию устойчивого развития актуальных взаимодействий всех составляющих сферы градостроительного планирования: парадигмальных, институциональных, регулятивных, градотипологических, технологических, организационных и т. д. Представлены результаты изучения процесса становления и развития системы градостроительного планирования и проектирования в Королевстве Швеция – бесспорном лидере градообразования Скандинавии: охарактеризована специфика ее функционирования, обусловленная национальными градопланировочными традициями, и выявлены современные тенденции ее трансформации, предопределенные общеевропейскими новациями и региональными инновациями в области пространственной организации среды жизнедеятельности населения. Результаты исследования могут служить аналоговой базой совершенствования системы градостроительного планирования системных форм урбанизации в нашей стране и, тем самым, способствовать успешной реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Особую практическую значимость итоги изысканий представляют для геостратегических территорий России, исторически интегрированных с «циркумбалтийским пространством» и входящих сегодня в границы Балтийского пояса.

Ключевые слова: муниципальное и региональное планирование и проектирование, системные формы урбанизированного расселения, новации, традиции, градостроительное планирование, городские агломерации

Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена несовершенством действующей в России системы градостроительного планирования типологически разнородных форм урбанизированного расселения – «типов территорий, различающихся условиями жизни и хозяйствования, а также выполняемыми ими функциями в социально-экономическом развитии страны» [1], которые пока не обрели должной законодательной дифференциации. Это несовершенство проявляется несоответствием «законосообразного формата градостроительного планирования крупных урбанизированных территорий, ориентированного на устаревшие парадигмы <...>, нормативно-правовую базу <...> и стандарты градостроительного проектирования <...>, их статусу и уровню фактического развития» [2], и, следовательно, негативно сказывается на становлении и функционировании, в первую очередь, городских агломераций и урбанизированных регионов [3], препятствуя, тем самым,

полноценной реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.

Изучение же специфики, парадигм, регулятивных институтов и механизмов, а также – технологий сдерживания и управления процессами урбанизации в развитых странах Северной Европы, в Скандинавских государствах, в первую очередь, которое осуществляется в т.ч. посредством эффективного по критериям устойчивого развития градостроительного планирования крупных урбанизированных территорий, а также – практическое использование результатов научных изысканий позволят более оперативно и успешно решать проблемы обустройства системных форм урбанизации и в нашей стране. Особую практическую значимость итоги наших исследований могут представлять для геостратегических территорий [1] России, входящих в границы Балтийского пояса [4, 5]. К таким территориям, по определению, «относятся Северо-Западный регион РФ, Приневский урбанизированный регион

<...>, Санкт-Петербургская агломерация, имеющие непосредственный выход к Балтийскому морю <...> и исторически <...> интегрированные» [2] с Фенноскандией и с «циркумбалтийским пространством» [6] в целом.

Становление системы пространственного планирования, в том числе системы градостроительного планирования и проектирования в странах Скандинавии и Финляндии, можно отнести к первой трети – середине XX века [7]. Именно в это время субъекты градообразования стран Северной Европы начали целенаправленно и эффективно решать проблемы взаимоувязки градостроительства и социально-экономического развития городов, ограничения их территориального роста, регулирования плотности городского населения и структуры землепользования, охраны культурного и природного наследия [8, 9] и многие другие вопросы формирования среды обитания, которые, став актуальными в этот период, уже не могли быть разрешены исторически апробированными и ставшими традиционными методами планирования и проектирования. Новые цели и условия осуществления градостроительной деятельности в Скандинавских странах [9, 10] послужили мощной мотивацией к созданию новаторских моделей и разработке инновационных алгоритмов градостроительного планирования крупных урбанизированных территорий [11].

Градостроительную культуру Дании, Норвегии и Швеции – стран, весьма успешных, по оценке мирового сообщества, в части пространственной организации среды жизнедеятельности населения: информативной, комфортной, безопасной, эстетически выразительной и безусловно «харизматичной» – отличает паритетность, выверенный веками баланс новаций и традиций градообразования [11]. Эта особенность градостроительной деятельности, осуществляемой в Скандинавии и сегодня [12], а также определяемые ею закономерности развития и функционирования градостроительных форм столь своеобразны в своих локальных проявлениях, и, одновременно, столь однотипны в своих региональных воплощениях, что имеет смысл говорить не только о «нордическом» стиле в архитектуре и дизайне (эта тема уже стала неким общим местом в профессиональном дискурсе!), но и о вполне самостоятельном, регионально атрибутируемом [11] «стиле градостроительства» [13], основанном «на симбиозе типового и специфического» [14]. По Митягину, «стилевая культура градостроительной деятельности проявляется в процессе длительного пространственного развития урбанизированной территории на разных уровнях восприятия и оценки формируемой

среды, начиная с макроуровня градостроительного образования – города как целостной пространственной формы, продолжая восприятие на уровне сочетания градостроительных ансамблей и завершая его уровнем организации тактильных зон отдельных архитектурных комплексов» [13]. «Нордический» стиль градостроительства, служащий российским зодчим источником вдохновения и образцом для подражания вот уже более столетия, отличается всепроникающей природой и всеохватной сущностью. Его маркеры «считываются» и стабилизирующее антропогенную среду влияние прослеживается не только на уровнях создания и/или преобразования городских и архитектурных ландшафтов, но и в более широком диапазоне уровней обустройства пространств и мест обитания: начиная, например, от систем расселения (надстрановых, страновых, региональных, субрегиональных, локальных) и заканчивая отдельными землеотводами [8, 9, 11; 12, 15]. Несомненная индивидуальность нордического градостроительного стиля полноценно раскрывается и поддерживается в Скандинавских странах в том числе за счет постоянного совершенствования и целенаправленной оптимизации взаимодействий важнейших компонентов пространственного и градостроительного планирования: парадигмальных, институциональных, регулятивных, концептуально-методологических, технологических, организационных и пр.

Типологический диапазон объектов градостроительного планирования, прогнозирования и проектирования в Дании, Норвегии и Швеции устойчив и достаточно широк. Он представлен городскими агломерациями, метрополитенскими территориями, функциональными урбанизированными территориями (Норвегия), метрополитенскими регионами и урбанизированными регионами. Типология и градостроительная классификация крупных урбанизированных территорий Европы, сформированные нами ранее (см. Градостроительство и архитектура, 2017, № 3, Т. 7, С. 80–86) [3], позволяют утверждать, что понятие «метрополитенской территории», являющейся, как правило, объектом регионального (Дания, Норвегия) или субрегионального (Швеция) планирования в Скандинавии, наиболее близко по своему содержанию к понятию «городская агломерация» в трактовке российских теории и практики градостроительства. Европейские же понятия (и явления) «метрополитенский регион» и «урбанизированный регион», обозначающие «социально-природные» [16] и/или социально-экономические [4] целостности или единства различного территориально-пространственного порядка и назначения, аккумулирующие в себе го-

родские агломерации и тяготеющие к ним городские, полугородские и сельские поселения, иные административно-территориальные образования и межселенные территории различных категорий, и пока российской урбано­логией недостаточно изученные, также представляют интерес, поскольку являются в Скандинавских странах рядовыми объектами регионального, межрегионального и интеррегионального планирования. Таким образом, системы градостроительного планирования и проектирования метрополитенских территорий, метрополитенских регионов и урбанизированных регионов Скандинавских стран выступают весьма перспективными объектами рассмотрения как в теоретическом, так и в практическом смысле.

Несмотря на подобие и, следовательно, сопоставимость базовых условий осуществления градостроительной деятельности в Дании, Норвегии и Швеции (типы государственного и административно-территориального устройства стран, природные, социально-экономические и культурно-исторические предпосылки, региональные архитектурно-градостроительные традиции, единые концептуальные установки стратегии пространственного планирования стран Евросоюза и пр.) [4, 11, 17, 18], наличествует, в силу национальной специфики градообразования в этих странах, определенная сложность прямого сравнения процессов пространственного и градостроительного планирования и проектирования, реализации планово-прогнозной и проектной документации, а также - сопоставления концептов и технологий формирования высокоурбанизированных структур, алгоритмов организации управления развитием крупных урбанизированных территорий, методов кооперации субъектов градостроительной деятельности в сфере планирования и т.д. Поэтому нами предлагается последовательная, «пострановая» компоновка обширного исследовательского материала, соотнося ключевым особенностям институционализации, организации и осуществления процессов градостроительного планирования типологически подобных и/или идентичных форм урбанизированного расселения в странах Скандинавии. К таким особенностям, актуальным с точки зрения совершенствования системы градостроительного планирования развития процессов урбанизации в нашей стране, можно отнести:

– «планировочную монополию муниципалитетов» [17] или «монополию муниципального планирования» [12] в Швеции;

– паритетность регионального и муниципального градостроительного планирования в Норвегии;

– реализацию парадигмы «нового локализма» [7] в градостроительном планировании Дании.

Целью первой части исследования стало раскрытие специфики функционирования и выявление тенденций трансформации системы градостроительного планирования крупных урбанизированных территорий в Швеции; основной задачей – выполнение дифференцированного и комплексного анализа, качественной оценки содержания и структуры важнейших аспектов сферы планирования Швеции, а также – обобщение их результатов. Объектом исследования является система градостроительного планирования системных форм урбанизированного расселения Королевства Швеция; предметом же изучения – ее институциональные, регулятивные, технологические и организационные особенности.

Методология исследования основана на цивилизационном, градотипологическом, культурно-историческом, пространственно-морфологическом подходах к изучению особенностей становления, развития и функционирования системы градостроительного планирования в Швеции. Методика исследования состояла в: 1) проведении информационного поиска по заявленной теме; 2) изучении научных и законодательных источников, нормативно-правовых и статистических документов, методических рекомендаций и обобщении содержащихся в них сведений; 3) проведении планово-картографических, статистических и иконографических изысканий, оценки планово-прогнозных и проектных разработок, а также – результатов их реализации. Итоги проведенного исследования позволили сформулировать вывод.

Основная часть. «Швеция, страна с короткой историей урбанизации» [17], истоки которой восходят к XI–XII вв. [6, 19], наиболее высокий темп – к периоду ранней индустриализации [8], а самые значимые достижения и знаковые для североевропейской градостроительной культуры проявления – к эпохе зрелой индустриализации и началу постиндустриализации. Швеция является самым крупным государственным образованием Северной Европы: ее площадь составляет около 450 000 кв.км [20]. Население в территориально-географических границах Швеции распределено крайне неравномерно: почти 90% человеческой популяции страны сосредоточены в южном историческом регионе Гёталанд (Götaland) с центром Гётеборг (Göteborg) и центральном историческом регионе Свеаланд (Svealand) с центром Стокгольм (Stockholm), т. е. «привязаны» лишь к 40 % ее территории. В северном же историческом регионе Нордланд (Nordland) с центром Буден

(Bodø), занимающем 60 % территории Швеции, проживает, таким образом, лишь 10 % населения. Плотность населения страны относительно других европейских стран невысока: она составляет примерно 22 чел./кв.км [21]. Доля городского населения Швеции сопоставима с другими Скандинавскими странами и сегодня превышает 85 %; при этом более 40 % человеческой популяции проживают в границах трех метрополитенских территорий, а именно: Стокгольма, Гётеборга и Мальмё (Malmo) [22].

В Швеции исторически сложилась система градостроительного планирования, характеризующаяся исключительно высокой ролью муниципальных властей в процессе подготовки, принятия и реализации градостроительных решений. Уже в 1907 г., когда был принят первый закон о планировании развития городских поселений, на государственном уровне была установлена главенствующая роль муниципалитетов в вопросах определения ключевых показателей развития городских территорий [23]. Этот феномен, именуемый «планировочной монополией муниципалитетов», в полной мере присущ шведской градостроительной отрасли и сегодня, несмотря на то, что в различные исторические периоды баланс между участием в процессе градоформирования властных структур национального, регионального и муниципального уровней значительно менялся [8, 12].

Так послевоенный Строительный Кодекс 1947 г. закрепил содержательные и структурные новации в инструментарии шведского градостроительного планирования, которое обрело в этот период централизованный характер [9, 10], а именно: обязательными документами в послевоенную эпоху были признаны генеральные планы, разрабатывавшиеся для городов и иных поселений, и региональные планы, выполнявшиеся для территорий нескольких муниципалитетов [20]. С 1950-х гг. XX в. начался новый этап в градостроительстве Швеции, связанный с адаптацией к региональной и национальной специфике градообразования и претворением в жизнь теоретических разработок европейских (преимущественно Британской) школ планировки и застройки городов, формирования систем урбанизированного расселения [8, 9, 11, 10]. Результатом этого этапа стало законодательное утверждение и масштабная практическая реализация нового типа градопланировочной документации – проектов районной планировки крупных урбанизированных систем [24]. В таких проектах на основе применения методов ландшафтного районирования, зональной планировки, инфраструктурного проектирования определялись стратегические направ-

ления и последовательность развития типологически разнородных поселений, а также – регулировалось постепенное освоение межселенных территорий [11, 24].

Вторая половина 1960-х – 1970-е гг., при сохранении ряда установок градостроительной деятельности предыдущих десятилетий, характеризовались, тем не менее, началом становления системы межмуниципального сотрудничества в области градостроительного планирования межселенных территорий посредством реализации проектно-программного подхода к градостроительному планированию развития, в первую очередь, жилых и промышленных структур [23]. Именно в период 1960-х – 1970-х гг. была «запущена и разработана» [12] действующая сегодня в Швеции система планирования: «руководящие принципы муниципального планирования стали новым инструментом планирования, который на практике заменил прежний генеральный план городов и поселков в 1970-е – 1990-е гг.» [12].

В 1980-е гг. – «переходный период, когда индустриализация закончилась, а новое общество информационной технологии только формировалось» [17], в градостроительной отрасли Швеции произошли существенные парадигмальные изменения. Им способствовали: трансформация экономических и социально-пространственных моделей организации жизнедеятельности, а также нарастание экологических проблем [23]. Так, по Птичниковой, в шведском градостроительном планировании наметились и были полноценно реализованы практически следующие основные тенденции:

– произошли значительные изменения в экономическом обеспечении и организационном сопровождении проектно-строительных процессов, что способствовало развитию консорциум-планирования (или договорного планирования) [25] и консорциум-проектирования (или прибыльно-договорного проектирования) [17].

– повысилась значимость вопросов охраны окружающей среды, рационального использования и «сбережения ресурсов» [17, 12] и, следовательно, усилилась экологическая акцентуация градостроительных проектов, что послужило развитию нового концептуального направления в градообразовании – урбоэкологии [17], которое «рассматривает городское жилье и рабочие места в процессе устойчивого развития урбанизированной среды в культурном, технологическом и эстетическом аспектах» [17], и становлению экологического проектирования;

– состоялось повышение роли муниципалитетов в территориально-пространственном планировании [17], что способствовало формированию разнообразных методов экономического

обеспечения проектов развития территорий, а также росту активности граждан в отношении процессов планирования.

Перечисленные тенденции были закреплены Строительным и планировочным Кодексом (The Planning and Building Act) 1987 г. [20] и привели к постепенному реформированию системы управления градостроительством: «После разочарований в централизованном, «засекреченном» планировании послевоенного времени, особенно 60–70-х гг., правительством было решено передать права и ответственность за градостроительное проектирование местным органам – муниципалитетам» [17]. Вместо узаконенной Строительным Кодексом 1947 г. разработки генеральных планов городских поселений, которые «представляли собой иллюстрированное видение будущего планировщиками и часто состояли из статичных картинок» [12], новым законодательством была установлена двухфазная система градостроительного планирования на муниципальном уровне, а именно: разработка комплексных или структурных планов [12, 17, 20, 23], охватывающих всю территорию муниципалитетов, и разработка детальных планов для отдельных частей территории муниципалитетов [23, 26].

В 1990-х – первом десятилетии XXI века в Швеции, наряду с ранее существовавшими и сохранившими свою значимость приоритетами планирования и проектирования, сформировались следующие организационные, регулятивные и методические тенденции:

– усиление межмуниципального сотрудничества в области градостроительного планирования урбанизированных форм расселения и межселенных территорий с применением «коллаборативных» и «неолиберальных» подходов к производству проектной документации [22];

– актуализация методов экологического проектирования при разработке градопланировочной документации на всех уровнях пространственной организации среды жизнедеятельности населения, предписанное законодательством (Экологический кодекс, 1999 г.) [27], и стандартизация качества окружающей среды [12];

– формирование методических основ морского планирования как важнейшей составляющей комплексного пространственного планирования прибрежных территорий [23].

Нормативно-правовую основу градостроительного планирования в Королевстве Швеция составляют в настоящее время «Закон о планировании и строительстве» (Planning and Building Act; 2010 г.), «Закон об административно-территориальном делении Королевства Швеция» (Regional utveckling och regional samhällsorganisation, 2007 г.), «Кодекс охраны

окружающей среды» (The Environmental Code; 1999 г.), «Закон о дорогах» (Roads Act; 1971 г.), «Закон о водных пространствах» (The Public Water and Wastewater Act; 1999 г.), «Закон о землевладении» (Real Property Formation Act; 1970 г.) [20].

Согласно «Закону об административно-территориальном делении Королевства Швеция» от 2007 г., территория государства делится на двадцать один лён (lan) – округ, область, регион; второй уровень административно-территориального деления представлен коммунами (kommuns) – общинами или муниципалитетами [28]. Действующая в Швеции трехуровневая система градостроительного планирования и проектирования: «государство, регион (лён) и муниципалитет (коммуна)» [17], – иерархически соответствует актуальному административно-территориальному устройству страны.

На государственном уровне осуществляется разработка законодательства в области градостроительного планирования, а также инструкций, нормативов и руководств по организации процесса планирования и проектирования для муниципальных органов власти; ответственность за формирование нормативно-правового обеспечения процесса градообразования возложена на Министерство окружающей среды [20]. Национальный совет по жилищному строительству и планированию – государственный орган при Министерстве окружающей среды [27], – принимает основные управленческие решения в сфере градостроительного планирования, управления земельными и водными ресурсами, развития и застройки урбанизированных территорий. Несмотря на то, что в Швеции на национальном уровне пространственное и собственно градостроительное планирование как процесс производства соответствующей планово-прогнозной и/или проектной документации не представлены, государство посредством принятия решений в отраслевых ведомствах (Транспортное агентство Швеции (Swedish Transport Agency), Министерство охраны окружающей среды Швеции (Swedish Environmental Protection Agency), Агентство энергетики Швеции (Swedish Energy Agency)) играет важнейшую роль в обеспечении развития транспортной, инженерной и социальной инфраструктур на территории страны [20, 26].

На региональном уровне вопросами градостроительного планирования занимаются:

1) Административные советы регионов (County Administrative Board), которые выполняют следующие функции:

– контроль за соблюдением национальных интересов в планировочной документации муниципального уровня;

– информационное обеспечение муниципалитетов (коммун) исходными данными для градостроительного планирования;

– обеспечение координации деятельности муниципалитетов (коммун) по актуальным вопросам планирования, разрешения конфликтных ситуаций [20];

2) Региональные советы (County Council), которые решают вопросы окружного уровня в части развития транспортной и инженерной инфраструктур, охраны окружающей среды [20, 12] природопользования и ресурсосбережения.

Так разработка регионального плана развития [17] или стратегического плана развития лёна (региона, округа, области) [20] выполняется Региональными советами и является сегодня обязательной процедурой стратегического градостроительного планирования для каждой административно-территориальной единицы первого уровня; при этом возможность и/или необходимость подготовки плана пространственного развития крупной урбанизированной территории в его составе (метрополитенской территории, метрополитенского региона) определяется каждым властным субъектом самостоятельно (кроме лёна Стокгольм, для которого план развития метрополитенской территории Стокгольма является обязательным документом) [20]. Региональное планирование индикативно; в зависимости от крупности территорий лёнов оно осуществляется в границах всей территории административно-территориального образования или его части; согласование и утверждение региональных планов развития проводится Административными советами регионов. На основе документации стратегического градостроительного планирования регионального уровня организации среды обитания, по шведским стандартам проектирования, осуществляется дальнейшее градостроительное планирование и проектирование локального уровня в составе комплексных (структурных) и «детальных планов развития территорий муниципалитетов» [12, 17, 20, 27].

На муниципальные органы власти сегодня возложены следующие функции по вопросам планирования:

1. Осуществление долгосрочного планирования и подготовки комплексных планов территории одного или нескольких муниципалитетов посредством создания межмуниципальных ассоциаций. Комплексные (структурные) планы являются инструментом стратегического планирования, устанавливающим общие положения по использованию территорий муниципалитетов

(включая акватории); они выполняются муниципалитетами, согласовываются с Административными советами регионов и подлежат корректировке один раз в 3–4 года [12, 20].

2. Разработка детальных планов отдельных муниципалитетов (среднесрочное, краткосрочное, текущее планирование), определяющих величину и границы функциональных зон, качество и параметры развития транспортной и инженерной инфраструктур территорий, регламенты нового строительства и реконструкции существующей застройки [20]. Градостроительная деятельность в границах территорий муниципалитетов или их частей проводится в рамках, установленных детальными планами, выполненными и утвержденными органами власти муниципалитетов на срок «не менее 5 лет и не более 15 лет» [12].

Несмотря на сохраняющуюся в Швеции «планировочную монополию муниципалитетов», в последнее десятилетие многие эксперты-градостроители отмечают растущее влияние структурных фондов Евросоюза [20] на градостроительную политику страны, которое выражается в постепенном целенаправленном потенцировании регионального программно-ориентированного уровня управления [27] развитием урбанизированных территорий. Усиливающаяся в сфере пространственной организации экономических, социокультурных, экологических процессов европейская интеграция [29], имеющая своей целью сохранение и продвижение «неделимых и всеобщих ценностей» [30], «поддержание международного равновесия, диалога цивилизаций и предотвращения столкновения культур» [31] посредством создания пространства «свободы, безопасности и правосудия» [30], служит необходимым и достаточным основанием к рационализации (rationalizing) и развитию (development) [32; 33] национальных институтов и технологий градостроительного планирования и проектирования отдельных государств согласно универсальной модели «нормативной силы» (normative power) или «единого подхода ко всем» (one-size-fits-all approach) [31] в целях обеспечения эффективного консолидированного развития стран, входящих в Евросоюз [29]. В Швеции эта тенденция, предполагающая определенную имплементацию стандартов ЕС [31] в систему национального градостроительного планирования, послужила стимулом к совершенствованию институциональных, технологических и организационных компонентов регионального планирования и проектирования, а также к формированию инновационных моделей градостроительного планирования субрегионального и интеррегионального

уровней пространственной организации процессов жизнедеятельности.

Типологическая «палитра» крупных урбанизированных территорий Королевства Швеция, являющихся объектами планирования и проектирования, представлена на сегодняшний день:

1) городскими агломерациями Вестероса (Vasteras) – административного центра лёна Вестманланд (Vastmanland), Уппсалы (Uppsala) – административного центра одноименного лёна, Норрчёпинга (Norrköping) – административного центра лёна Эстергёталанд (Ostergotland), Эребру (Orebro) – административного центра одноименного лёна, Умео (Umea) – административного центра лёна Вестерботтен (Vasterbotten) и рядом других градостроительных систем агломерационного типа;

2) метрополитенскими территориями и метрополитенскими регионами Гётеборга – административного центра лёна Вестер-Гёталанд (Vastergotland), Мальмё – административного центра лёна Сконе (Skane), Стокгольма – столицы страны и административного центра одноименного лёна;

3) урбанизированными регионами Фемарн-Бельт (Fehmarnbelt Region) [34], Скандриа (Scandria) и др.

Городские агломерации являются в Швеции объектами среднесрочного межмуниципального и муниципального градостроительного планирования, в процессе осуществления которого межмуниципальными объединениями и муниципалитетами на основе утвержденных региональных планов развития формируются рекомендательные комплексные планы всех муниципальных образований, входящих в границы агломерационных систем, проводится их оптимизация по критерию устойчивого сочетанного развития поселений и территорий. Градостроительная документация выполняется по законосообразной модели с применением стратегий и алгоритмов «соучастия» [15, 35] под патронатом Административных советов регионов и, как правило, весьма успешно реализуется.

Метрополитенские территории в Швеции представляют собой объекты стратегического средне- и долгосрочного субрегионального планирования, которое осуществляется в двух ипостасях: а) в составе региональных планов развития, разрабатываемых Региональными советами совместно с Администрациями городского планирования и утверждаемых Административными советами регионов (Стокгольм, Мальмё), или б) в качестве самостоятельного формата градостроительной документации, формируемой Администрациями городского планирования метрополий

и иногда избирательно и/или фрагментарно учитывающей решения, принятые ранее в утвержденных стратегиях развития регионов (Гётеборг). Субрегиональное градостроительное планирование и управление развитием метрополитенских территорий базируется на договорных моделях с неизменным использованием механизмов так называемого «неформального планирования», предполагающего привлечение к этим процессам множества окружных (областных, региональных) институтов [36] и организацию их эффективной по критериям градостроительства кооперации. За последние годы в границах метрополитенской территории столицы Швеции, в отличие от административных центров лёнов Гётеборга и Мальмё, постепенно и весьма существенно возросла роль регионального административного управления градостроительными процессами [36]. В градостроительной стратегии развития метрополитенской территории Стокгольма, разработанной под патронатом Администрации городского планирования Стокгольма в 2010 г., акторами градообразования были поставлены и решены задачи создания условий для:

1) ее сбалансированной «полицентрализации» за счет развития существующих и создания новых подцентров, субцентров агломерации и территорий – «концентраций» рабочих мест [2, 37];

2) развития центра столицы путем диверсификации территорий и повышения плотности застройки, обеспечивающей их морфологическую связность; трансформации городского ядра метрополии посредством ревитализации бывших индустриальных территорий, используемых неэффективно [37];

3) создания субрегиональной системы парковых и лесопарковых территорий и открытых пространств, объединенных непрерывными озелененными «коридорами» и транспортными коммуникациями (наземными и водными), в том числе, за счет консервации крупных природно-ландшафтных объектов и комплексов, сохранения обширных зеленых «клиньев», разделяющих урбанизированные территории в качестве базовых эколого-планировочных единиц градостроительной структуры метрополитенской территории, частичного преобразования земель сельскохозяйственного назначения [38];

4) формирования многофункциональных узлов урбанизированного развития различной крупности и типов вдоль основных путей общественного транспорта в границах всей метрополитенской территории, а также – локализации и планировочной организации общедоступных открытых пространств на основе кооперации властных структур трех уровней: заинтересованных в

этом процессе муниципалитетов, региональных единиц и национального правительства [38].

Аналогичные задачи, но в значительно меньшем объеме и масштабе, были предложены к рассмотрению и предметному воплощению разработчиками стратегий развития метрополитенских территорий Мальмё и Гётеборга. Стратегические направления развития трех крупнейших метрополитенских территорий Швеции [39] после утверждения градостроительной документации субрегионального уровня обустройства среды обитания Административными советами лёнов Вестер-Гёталанд, Сконе и Стокгольм обрели статус директив и потому были детализированы в мастер-плане шведской столицы (2018 г.), а также комплексных планах Гётеборга (2014 г.) и Мальмё (2018 г.). Поскольку ни мастер-план, ни комплексные планы не подлежат официальному утверждению и имеют рекомендательный характер, постольку на местном уровне градоформирования значительно возрастает роль консенсус-ориентированного [27, 35] подхода к градостроительному планированию и проектированию, в результате использования которого вырабатываются, как правило, сбалансированные, ответственные решения, учитывающие интересы всех субъектов градостроительных отношений.

Метрополитенские регионы в Швеции являются объектами стратегического долгосрочного регионального и межрегионального планирования, в процессе которых определяются лишь общие принципы и подходы к перспективному пространственному развитию таких крупных урбанизированных территорий. В ситуациях, когда границы метрополитенских регионов совпадают с административными границами лёнов или приближаются к ним (метрополитенские регионы Гётеборга и Мальмё) технология планирования развития объектов идентична законосообразной технологии подготовки Региональных планов развития или стратегических планов развития округов. Намного проблематичнее выглядит производственная ситуация, когда границы метрополитенских регионов охватывают территории нескольких лёнов и/или их частей (коммун, общин, муниципалитетов): несформированность моделей организации эффективной межрегиональной кооперации в сфере градостроительного планирования Швеции и алгоритмов межрегионального стратегического планирования приводит к обособленному проектному освоению территорий каждого из лёнов (их частей) [37], входящих в границы метрополитенских регионов. Именно такая – «фрагментарная», – схема была применена проектировщиками в процессе формирования Регионального плана развития Стокгольма

до 2050 г., утвержденного Офисом регионального планирования в 2010 г. В Региональном плане Стокгольм представлен как центральное ядро метрополитенского региона шведской столицы, аккумулирующего в своих границах не только 26 коммун Стокгольмского лёна, но и 12 коммун лёнов Уппсала и Сёдерманланд [39]. Согласно заключениям европейских экспертов-градостроителей, границы метрополитенского региона Стокгольма назначены разработчиками документации необоснованно [37]. Делимитацию границ этой крупной градостроительной формы, по мнению исследователей Организации экономической кооперации и развития, можно и нужно было провести, опираясь на бассейновый принцип [38], обеспечив тем самым безопасное освоение территории метрополитенского региона Стокгольма в географических границах эко-региона долины озера Меларен (включающего также части лёнов Эребру и Вестмаланд) – целостной, компактной, саморегулирующейся природно-экологической системы, что, в свою очередь, способствовало бы устойчивому развитию морфологически слитых массивов урбанизированного расселения. Однако, Региональный план развития Стокгольма до 2050 г. выполнен и официально утвержден лишь в административных границах Стокгольмского лёна [39]; реализация положений стратегического планирования (с уточнениями и дополнениями) осуществляется сегодня согласно градостроительной документации долгосрочного, среднесрочного и текущего планирования (мастер-план Стокгольма, детальные планы муниципалитетов, их частей, отдельных землеотводов).

Урбанизированные регионы [3] – интереснейшие и пока весьма редкие за пределами ЕС объекты стратегического (долгосрочного, среднесрочного) интеррегионального планирования, – являются порождением, в первую очередь, расширения сфер, умножения направлений и совершенствования процедур [29] международного (интеррегионального, трансрегионального) [32; 33] сотрудничества, в частности, на Балтике [4, 5, 40, 41]. Как правило, границы урбанизированных регионов, состав субъектов и технологии планирования, организационные механизмы определяются, исходя из целей и задач каждого из продвигаемых европейским сообществом интернациональных проектов. Показателен в этом плане пример крупного урбанизированного региона Фемарн-Бельт (Fehmarnbelt Region), в границы которого, помимо шведской провинции Сконе с административным центром Мальмё, входят территории административно-территориальных образований еще двух балтийских государств: фе-

деральных земель Германии (Шлезвиг-Гольштейн (*Schleswig-Holstein*), западная часть Мекленбург-Передняя Померания (*Mecklenburg-Vorpommern*) и Датских островов (Лоллен (*Lolland*), Фальстер (*Falster*), Зеландия (*Sjælland*)) [34]. Автором и координатором отраслевого планирования урбанизированного региона выступает созданный в 2009 г. Комитет региона Фемарн-Бельт, в состав которого входят по 12 представителей властных структур со стороны Королевств Швеция и Дания и представители Офиса метрополитенского региона Гамбурга со стороны Федеративной республики Германия. В контексте предметного воплощения Стратегии пространственного развития Европы [18] интернациональными авторскими коллективами был разработан ряд значимых для ЕС проектов, нацеленных на повышение инвестиционной привлекательности этого «контактного» урбанизированного региона, интенсификацию приграничного и трансграничного обмена стран Западной и Северной Европы, реализацию крупных социальных, транспортных, природоохранных и культурно-исторических инициатив [34]. К таким проектам относятся: Проект тоннеля Фемарн-Бельт («*Femernbelt-forbindelsen*»; «ARUP», «Ramboll», «TEC») [34], Проект организации туристических маршрутов «Пункт назначения - Фемарн-Бельт» («*Destination Fehmarnbelt*»; *Ostsee-Holstein-Tourismus* и *Østdansk Turisme*) [34]; Проект развития международной сети объектов здравоохранения на базе городов Любек (*Lübeck*) и Нествед (*Næstved*) («*KFFB project*»; *European Regional Development Fund*) [34], Проект развития идентичности стран Балтийского региона на базе культурного и природного наследия «Агора 2.0» («*Agora 2.0*»; *University of Greiswalf*) [34]. Не менее информативно с методической и практической точек зрения позиционирование в качестве опорной платформы для ряда крупнейших объектов интеррегионального пространственного и градостроительного планирования (например, Центрального Балтийского урбанизированного региона, линейного урбанизированного коридора Осло-Стокгольм-Хельсинки) [42] метрополитенской территории Стокгольма (Стокгольмской агломерации), обладающей столичным статусом, устойчивыми функциональными, социальными и культурно-историческими связями с типологически разнообразными урбанизированными территориями Балтийского региона. Границы урбанизированных регионов, частью которых является Стокгольмская агломерация, институциональные, организационные и технологические компоненты интеррегионального планирования варьируются в зависимости от специфики и масштабов

планово-прогнозных и проектных задач и определяются «адресно» в каждой конкретной градостроительной ситуации в контексте ожидаемой полицентризации объединенной Европы [32]. К таким градостроительным начинаниям и проектам, разработанным для урбанизированных регионов североевропейских, западноевропейских и восточноевропейских стран Балтики, можно отнести: «Восточно-западный транспортный коридор II – концепция зеленого коридора на Северной транспортной оси» [40], «Объединенное видение пространственного развития севера Балтики» [43], «Европейская стратегия пространственного развития Балтийского региона» [41] и др. Утверждение и предметное воплощение масштабных стратегий пространственного развития урбанизированных регионов и отдельных градостроительных проектов, выполненных в их составе, как правило, происходит сегодня при поддержке, руководстве и контроле со стороны Комитета по пространственному планированию Европейской Комиссии или специализированных комиссий по пространственному планированию в странах ЕС [18].

Долгосрочные стратегии воплощения «Европейской перспективы пространственного планирования» (1999 г.) [29], концептуальные доминанты (уникальность и ценность каждой территории, ее природно-ресурсный и экономический потенциал, качество человеческого капитала, историко-культурные и национальные особенности и пр.) [2, 18, 44] и регулятивные мегатренды («жесткая сила» (*hard power*), «мягкая сила» (*soft power*), «умная сила» (*smart power*), гражданская сила (*civilian power*), «манипулятивная сила» (*soft manipulation*), «гибридная мягкая сила» (*hybrid soft power*) и др.) [6, 31] реализации идеи целостного полицентрического «европейского пространства» [37, 44], а также высокие темпы процесса европейской интеграции в сфере пространственной организации «коллективной» среды обитания, обуславливающие динамичные трансформации уже существующих и создание инновационных технологий планирования и новаторских моделей управления развитием крупных урбанизированных территорий, границы которых не «привязаны» жестко к административно-территориальному делению государств - акторов градоформирования [3], позволяют предположить, что в недалеком будущем урбанизированные регионы станут объектами не только интеррегионального, но и трансрегионального планирования. Такое предположение небезосновательно: по Денту-Кузнецову, трансрегионализм позиционируется современной европейской наукой «как создание «общих пространств»

между регионами и их частями, в которых акторы (включая индивидов, сообщества и организации) имеют общие связи и общие взгляды на сотрудничество, побуждающие их к объединению» [32, 33]. С другой стороны, в процессе полицентризации объединенной Европы, базирующейся, далеко не в последнюю очередь, на идее создания «Европы регионов» [27], т. е. на регионализме и регионализации как альтернативах и/или контртрендах глобальному мироустройству [42], соблюдение и реализация одного из наиболее «жизнеспособных» гуманистических принципов формирования «европейского пространства свободы, безопасности и правопорядка» [44] – «принципа «гибкости» (flexibility) внутри «европейского пространства» является, безусловно, одним из важных элементов сотрудничества в сфере» [44] его градостроительного обустройства. Это убеждает в возможности и целесообразности отнесения урбанизированных регионов к перспективным объектам стратегического долгосрочного и среднесрочного межрегионального градостроительного планирования и межрегионального программно-ориентированного управления.

Вывод. Итоги изучения институционального, градотипологического, организационного и технологического аспектов становления, функционирования и трансформации системы градостроительного планирования Королевства Швеция позволяют заключить, что ее современное состояние характеризуется, с одной стороны, несомненной стабильностью, а, с другой, исключительной динамичностью. Эти качества важнейшей компоненты градостроительной деятельности, осуществляемой сегодня акторами градообразования в границах крупнейшей страны Скандинавии, обусловлены бесконфликтным сосуществованием и, следовательно, «развивающим» взаимодополнением традиций, новаций и инноваций, которые исстари присущи градостроительной культуре государства. Так стабильность функционирования системы градостроительного планирования Швеции обеспечивается сохранением и поддержанием ее национальной градопланировочной специфики – «планировочной монополии муниципалитетов», которая с начала XX века стала доброй и потому культивируемой всеми субъектами градостроительных отношений традицией обустройства пространств и мест обитания. Динамичность же индуцируется постепенной и планомерной актуализацией уже существующих и созданием новых институтов, разработкой инновационных технологий регионального градостроительного планирования и проектирования (субрегионального, межрегио-

нального, интеррегионального в т.ч.) и внедрением новаторских организационных моделей управления развитием системных форм скандинавской урбанизации сообразно их фактической типологической дифференциации и базовым мегатрендам формирования целостного полицентрического «европейского пространства», контуры которого намечены «Европейской перспективой пространственного планирования» [18]. Поступательное и гармоничное развитие системы градостроительного планирования Швеции, являясь своевременным прагматичным ответом на вызовы современности, осуществляется по «восходящему» вектору: в направлении от муниципального уровня обустройства социального пространства к интеррегиональному. Несомненная специфичность и даже уникальность такого развития, присущая шведскому градоформированию, отражают типологическую динамику и иерархию новообразуемых крупных урбанизированных территорий и, тем самым, позволяют обеспечивать преемственность в принятии и реализации, соответствующих планомерно-прогнозных и проектных решений. Результаты исследования могут послужить аналоговой базой совершенствования системы градостроительного планирования, действующей в сегодня в России, а также – способствовать оптимизации по критерию устойчивого развития процесса планирования геостратегических территорий, исторически интегрированных с «Балтийской морской цивилизацией» [19]: Северо-Западного экономического района РФ, Ленинградской области и города федерального значения Санкт-Петербург.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-Р.) URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (15.07.2020).
2. Монастырская М.Е., Песляк О.А. Градостроительное планирование крупных урбанизированных территорий в Финляндии: парадигмы, регулятивные институты, технологии // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2020. №5. С. 77–90.
3. Монастырская М.Е., Песляк О.А. Современные методы делимитации границ городских агломераций (Европейские наука и практика) // Градостроительство и архитектура. 2017. № 3(28). С. 80–86.
4. Кивикари У. Экономическое пространство Балтийского региона / Пер. с финского АО «Нордконтакт». Хельсинки: Изд-во «ОТАВА», 1996. 156 с.

5. Rostoks T., Spruds A. The Different faces of «soft power»: the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and EU. *Latvian Institute of International Affairs*, 2015. Ibid. P. 6–7.
6. Лебедев Г.С. Хайтабу: Шлезвиг = Ладога: Петербург: этапы урбанизации Балт. культур.-ист. пространства // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тез. докл.: [в 2 ч.] / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М., 1993. Ч. 1. С. 128–131.
7. Larsson G. *Spatial Planning in Western Europe*. IOS Press, 2006. 288 p.
8. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. В 2-х т. Т. 2. Градостроительство XX в. в странах капиталистического мира. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1979. 412 с.
9. Васильев Б.Л., Платонов Г.Д. Градостроительная практика и жилищное строительство в скандинавских странах: Приемы планировки и застройки новых жилых районов. Л.: Госстройиздат, 1960. 127 с.
10. Васильев Б.Л., Верижников С.М., Дьяконов Ю.А., Платонов Г.Д. Города-спутники Харлоу, Визеншо, Веллингбю: Из опыта строительства за рубежом. Л.: Госстройиздат, 1958. 151 с.
11. Монастырская М. Е. Коттеджная застройка в европейском градостроительстве второй половины XIX – XX века. СПб: СПбГАСУ, 2017. 492 с.
12. G. Ptichnikova Current Trends in Planning System in Sweden. 48th ISOCARP Congress 2012.
13. Митягин С.Д. Стиль градостроительства // Вестник. «Зодчий 21 век» - информационно-аналитический журнал. 2017. № 2(63). С. 2–3.
14. Фролов В.В. Восемь восьмерок. Тираж ограничен // Проект Балтия/Project Baltia. № 04/11 – 01/12. С. 82–85.
15. Птичникова Г.А. Творчество Ральфа Эрскина: «опуститься к уровню травы» // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 4: Личность, эпоха, стиль. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 494–514.
16. Ковалёв А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Обществ. науки и современность. 1996. № 1. С. 97–104.
17. Птичникова Г.А. Градостроительство и архитектура Швеции, 1980-2000 = Stadsbyggnad och arkitektur i sverige, 1980-2000. СПб.: Наука, 1999. 200 с.
18. European Spatial Development Perspective, Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union (Agreed at the Informal Council of Ministers responsible for Spatial Planning, May 1999). URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf (07.07.2020)
19. Лебедев Г.С. Балтийская морская цивилизация: Путь из варяг в греки и петербургский миф // Историософские проблемы общественных наук на рубеже тысячелетий: 2-я пол. XIX-XX вв. Современное видение истории: тез. докл. конф. (30-31 ма 1996 г.) / Рос. нац. б-ка. СПб, 1996. С. 97–99.
20. OECD. *Land-use Planning Systems in the OECD: Country Fact Sheets*, OECD Publishing, Paris, 2017. 230 p.
21. Worldometer: Мировая статистика в режиме реального времени. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/sweden-population/> (15.07.2020)
22. Johansson M. Polycentric Urban Structures in Sweden - Conditions and Prospects // Facing EPSON. Nordregio Report 2002:1, 2002. URL : http://www.nordregio.se/Global/Publications/Publications%202002/R2002_1/R0201_p99.pdf (07.07.2020)
23. Hall T. *Planning and Urban Growth in Nordic Countries*. Routledge, 2003. 256 p.
24. Хромов Ю.Б. Планировочная организация рекреационных зон в городах и групповых системах расселения. Л.: Стройиздат, 1976. 330 с.
25. Larsson B., Letell M., Thorn H. Transformations of the Swedish Welfare State: From Social Engineering to Governance. Springer, 2012. 322 p.
26. Promoting Spatial Development by Creating COMmon MINdscapes. II. Planning System of Sweden. URL: http://commin.org/upload/Sweden/SE_Planning_System_in_English.pdf (07.07.2020)
27. Холявко С.И. Шведская модель пространственного планирования: функции, проблемы и решения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. №7. С. 159–168
28. Regional utveckling och regional samhällsorganisation. Government Offices of Sweden (in Swedish). 23 March 2007. SOU 2007:13.
29. EU Global Strategy «Shared Vision, Common Action: Stronger Europe». 2016. URL: www.eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (07.07.2020)
30. Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Union. 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:12012P/TXT> (07.07.2020)
31. Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. Европейский интеррегионализм в XXI веке: постановка научной проблемы. // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть 1. Москва: Институт Европы РАН, 2017. С. 39–47.

32. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. № 2(23). С. 14–25.

33. Dent C. From Inter-regionalism to Trans-regionalism? Future challenges of ASEM // Asia Europe Journal. 2003. № 1. 224 p.

34. Zenker S., Jacobsen B.P. Inter-Regional Place Branding: Best Practices, Challenges and Solutions. Springer, 2015. 184 p.

35. Крашенинников А.В. Градостроительное развитие и градостроительная среда: Учебное пособие А.В. Крашенинников. Alexey Krasheninnikov. Urban Development and Built environment. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2017. 170 p.

36. Eraydin A. Resilience Thinking In Urban Planning. Springer, 2013. 253 p.

37. Regional utvecklingsplan för Stockholmsregionen. URL: rufs.se/globalassets/d.-rufs-2010/rufs-2010-planen/rufs10_kap1.pdf (07.07.2020).

38. Nelson A. Stockholm, Sweden. City of Water // Landscape Australia [Электронный ресурс] // URL: https://depts.washington.edu/open2100/Resources/1_OpenSpaceSystems/Open_Space_Systems/Stockholm_Case_Study.pdf (07.07.2020).

39. Sellers J., Arretche M., Kübler D., Razin E. Inequality and Governance in the Metropolis: Place

Equality Regimes and Fiscal Choices in Eleven Countries. Springer, 2016 г. 278 p.

40. Baltic Sea Region Programme. Power of cooperation: 46 Transnational projects. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/cooperate/baltic/pdf/46_project_brochure.pdf (07.07.2020)

41. Сайт The European Union Strategy for the Baltic Sea Region. URL: <https://www.balticsea-region-strategy.eu/> (07.07.2020)

42. Doria L., Fedeli V., Tedesco C. Rethinking European Spatial Policy as a Hologram: Actions, Institutions, Discourses. Ashgate Publishing, 2006. 320 p.

43. Nordic-Baltic Space Transnational Development Perspective Participating Cities and City-Regions. Urban Environment Publications, 2019. URL: https://www.eurometrex.org/wp-content/uploads/2019/08/Baltic_Space_TULOSTUS-compressed.pdf (07.07.2020)

44. Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. 2018. № 5. С. 158–178.

45. Потемкина О.Ю. Становление обновленной Европы (Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка – новый проект ЕС) // Современная Европа. 2001. №3(7). С. 24–36.

Информация об авторах

Монастырская Марина Евгеньевна, кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектурного проектирования. E-mail: gradoved@gmail.com. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, 2-ая Красноармейская ул., д. 4

Песляк Оксана Александровна, старший преподаватель кафедры градостроительства. E-mail: opeslyak@mail.ru. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, 2-ая Красноармейская ул., д. 4

Поступила 20.07.2020 г.

© Монастырская М.Е., Песляк О.А., 2020

***Monastyrskaya M.E., Peslyak O.A.**

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

**E-mail: gradoved@gmail.com*

SPECIFICS OF URBAN PLANNING OF LARGE URBANIZED TERRITORIES IN THE SCANDINAVIAN COUNTRIES. PART I: MONOPOLY OF MUNICIPAL PLANNING IN SWEDEN

Abstract. *The article substantiates the relevance and expediency of studying the specifics of urban planning of typologically differentiated forms of urban settlement in the Scandinavian countries, the results of project detailing and / or subject implementation of which are considered by the world community to be the standards of urban formation. It is shown that the basis for preserving and maintaining the long-established "Nordic" urban planning style, inherent in the urban culture of Denmark, Norway, Sweden and potentiating the "reference" of design models and/or spaces and habitats, is the purposeful regulation and optimization by the criterion of sustainable development of relevant interactions of all components of the sphere of urban*

planning: paradigm, institutional, regulatory, urban-typological, technological, organizational, etc. The results of studying the process of formation and development of the system of urban planning and design in the Kingdom of Sweden – the undisputed leader of urban development in Scandinavia: the specifics of its functioning due to national urban planning traditions are characterized, and modern trends of its transformation are identified, predetermined by pan-European innovations and regional innovations in the field of spatial organization of the population's living environment. The results of the research can serve as an analog basis for improving the system of urban planning of systemic forms of urbanization in our country and, thus, contribute to the successful implementation of the spatial development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025. The results of the survey are of particular practical significance for the geostrategic territories of Russia that have historically been integrated with the "Circum-Baltic area" and are now part of the borders of the Baltic belt.

Keywords: *municipal and regional planning and design, system forms of urban settlement, innovations, traditions, urban planning, urban agglomerations*

REFERENCES

1. Spatial development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 [Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda] (Approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019, No. 207-R.) Available at: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (15.07.2020). (rus)
2. Monastyrskaya M.E., Peslyak O.A. Urban planning of large urban areas in Finland: paradigms, regulative instituts, technologies [Gradostroitel'noe planirovanie krupnih urbanizirovannih territoriy v Finlandii: paradigm, regulativnie institute, tehnologii]. Vestnik BGTU im. Shuhova. 2020. No. 5. Pp. 77–90. (rus)
3. Monastyrskaya M.E., Peslyak O.A. Modern methods of delimitation of urban agglomerations (European science and practice) [Sovremennye metody delimitacii granic gorodskih aglomeracij (Evropejskie nauka i praktika)]. Gradostroitel'stvo i arhitektura. 2017. No. 3(28). Pp. 80–86. (rus)
4. Kivikari U. Economic space of the Baltic region [Ekonomicheskoe prostranstvo Baltijskogo regiona]. Translation by AO «Nordkontakt». Hel'sinki: OTAVA Publ., 1996. 156 p. (rus)
5. Rostoks T., Spruds A. The Different faces of «soft power»: the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and EU. Latvian Institute of International Affairs, 2015. Ibid. Pp. 6-7.
6. Lebedev G.S. Haitabu: Schleswig = Ladoga: Petersburg: stages of urbanisation of the Baltic cultures-East. Space [Hajtabu: SHlezvig = Ladoga: Peterburg: etapy urbanizacii Balt. kul'tur.-ist. prostranstva]. XII conference on the study of the history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland: TEZ. Dokl.: [in 2 parts] [XII konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka skandinavskih stran i Finlyandii: tez. dokl.]. Russian Academy of Sciences. In-t ROS. history. Moscow, 1993. P. 1. Pp. 128–131. (rus)
7. Larsson G. Spatial Planning in Western Europe G. IOS Press, 2006. 288 p.
8. Bunin A.V., Savarenskaya T.F. History of urban planning art. In 2 vols. Vol. 2. urban planning of the XX century in the countries of the capitalist world. [Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. V 2-h t. T. 2. Gradostroitel'stvo XX v. v stranah kapitalisticheskogo mira. 2-e izd.] M.: Stroyizdat, 1979. 412 p. (rus)
9. Vasil'ev B.L., Platonov G.D. Urban planning practice and housing construction in the Scandinavian countries: Techniques for planning and building new residential areas. [Gradostroitel'naya praktika i zhilishchnoe stroitel'stvo v skandinavskih stranah: Priemy planirovki i zastrojki novyh zhilyh rajonov]. L.: Gosstrojizdat, 1960. 127 p. (rus)
10. Vasil'ev B.L., Verizhnikov S.M., D'yakonov Yu.A., Platonov G.D. The satellite Cities of Harlow, Vizenshaw, Wellingby: From the experience of construction abroad [Goroda-sputniki Harlou, Vizensho, Vellingbyu: Iz opyta stroitel'stva za rubezhom]. L.: Gosstrojizdat, 1958. 151 p. (rus)
11. Monastyrskaya M.E. Cottage development in European urban planning of the second half of the XIX-XX century. Saint Petersburg [Kottedzhnaya zastrojka v evropejskom gradostroitel'stve vtoroj poloviny XIX–XX veka]. SPb: SPbGASU, 2017. 492 c.
12. Ptichnikova G. Current Trends in Planning System in Sweden. 48th ISOCARP Congress 2012.
13. Mityagin S.D. Urban planning Style [Stil' gradostroitel'stva Vestnik] Bulletin. Zodchiy 21 Vek - informational and analytical magazine. 2017. No. 2(63). Pp. 2–3. (rus)
14. Frolov V.V. Eight eights. Limited edition [Vosem' vos'merok]. Project Baltia. No. 04/11 – 01/12. Pp. 82–85. (rus)
15. Ptichnikova G.A. Creativity Of Ralph Erskine: "to descend to the level of grass" [Tvorchestvo Ral'fa Erskina: «opustit'sya k urovnyu travy»]. Questions of the universal history of architecture. Issue 4: Personality, epoch, style [Voprosy vseobshchej istorii arhitektury. Vyp. 4: Lichnost', epoha, stil']. M.: LENAND, 2012. Pp. 494–514. (rus)

16. Kovalyov A.M. Once again about the formation and civilizational approaches [Eshche raz o formacionnom i civilizacionnom podhodah]. Society of science and modernity [Obshchestv. nauki i sovremennost']. 1996. No. 1. Pp. 97–104.
17. Ptichnikova G.A. Urban Planning and Architecture in Sweden. 1980–2000. [Gradostroitel'stvo i arhitektura SHvecii. 1980–2000.] SPt: Nauka, 1999. 199 p. (rus)
18. European Spatial Development Perspective, Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union (Agreed at the Informal Council of Ministers responsible for Spatial Planning, May 1999). Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf (15.07.2020)
19. Lebedev G.S. Baltic sea civilization: The way from the Varangians to the Greeks and the Petersburg myth [Baltiyskaya morskaya civilizaciya: Put' iz varyag v greki i peterburgskij mif]. Historiosophical problems of social Sciences at the turn of the Millennium: 2nd half of the XIX–XX centuries [Istoriosofskie problemy obshchestvennyh nauk na rubezhe tysyacheletij: 2-ya pol. XIX–XX vekov]: Sovrem. vision of history: TEZ. Dokl. Conf. Russian national library. SPt, 1996. Pp. 97–99. (rus)
20. OECD, Land-use Planning Systems in the OECD: Country Fact Sheets. Paris: OECD Publishing, 2017. 230 p.
21. Worldometer: World statistics in real time [Mirovaya statistika v rezhime real'nogo vremeni]. Available at: <https://www.worldometers.info/world-population/sweden-population/> (15.07.2020)
22. Johansson M. Polycentric Urban Structures in Sweden - Conditions and Prospects. Facing EPSON. Nordregio Report 2002:1, 2002. Available at: http://www.nordregio.se/Global/Publications/Publications%202002/R2002_1/R0201_p99.pdf (15.07.2020)
23. Hall T. Planning and Urban Growth in Nordic Countries. Routledge, 2003. 256 p.
24. Khromov Yu.B. Planning organization of recreational zones in cities and group settlement systems [Planirovochnaya organizaciya rekreacionnyh zon v gorodah i gruppovyh sistemah rasseleniya]. L.: stroizdat, 1976, 330 p. (rus)
25. Larsson B., Letell M., Thorn H. Transformations of the Swedish Welfare State: From Social Engineering to Governance. Springer, 2012. 322 p.
26. Promoting Spatial Development by Creating COMMon MINdscapes. II. Planning System of Sweden. Available at: http://commin.org/upload/Sweden/SE_Planning_System_in_English.pdf (07.07.2020)
27. Kholyavko S.I. Swedish model of spatial planning: functions, problems and solutions [Shvedskaya model' prostranstvennogo planirovaniya: funkcii, problemy i resheniya]. Bulletin of the Kant Baltic Federal University. 2014. No. 7. Pp. 159–168. (rus)
28. Regional Development and social organisation [Regional utveckling och regional samhällsorganisation]. Government Offices of Sweden (in Swedish). 23 March 2007. SOU 2007:13. (swed.)
29. EU Global Strategy «Shared Vision, Common Action: Stronger Europe». 2016. Available at: www.eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (15.07.2020)
30. Charter of Fundamental Rights of the European Union. Official Journal of the European Union. 2012. Available at: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:12012P/TXT> (15.07.2020)
31. Mikhailenko E.B., Mikhailenko V.I. European interregionalism in the XXI century: setting a scientific problem [Evropejskij interregionalizm v XXI veke: postanovka nauchnoj problemy]. Modern Europe: 60 years after The Roman treaties. Part 1. [Sovremennaya Evropa: 60 let posle Rimskih dogovorov. CHast' 1]. Moscow: Institute of Europe RAS, 2017, Pp. 39–47. (rus)
32. Kuznetsov D.A. Phenomenon of transregionalism: problems of terminology and conceptualization [Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i konceptualizacii]. Comparative politics [Sravnitel'naya politika]. 2016. No. 2(23). Pp. 14–25. (rus)
33. Dent C. From Inter-regionalism to Trans-regionalism? Future challenges of ASEM. Asia Europe Journal. 2003. No. 1. 224 p.
34. Zenker S., Jacobsen B.P. Inter-Regional Place Branding: Best Practices, Challenges and Solutions. Springer, 2015, 184 p.
35. Krashennikov Alexey. Urban Development and Built environment. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2017. 170 p. (rus)
36. Eraydin A. Resilience Thinking In Urban Planning. Springer, 2013. 253 p.
37. Regional Development Plan for the Stockholm region [Regional utvecklingsplan för Stockholmsregionen]. Available at: rufs.se/globalassets/d.-rufs-2010/rufs-2010-planen/rufs10_kap1.pdf (15.07.2020).
38. Nelson A. Stockholm, Sweden. City of Water. Landscape Australia. Available at: https://depts.washington.edu/open2100/Resources/1_OpenSpaceSystems/Open_Space_Systems/Stockholm_Case_Study.pdf (07.07.2020).
39. Sellers J., Arretche M., Kübler D., Razin E. Inequality and Governance in the Metropolis: Place Equality Regimes and Fiscal Choices in Eleven Countries. Springer, 2016. 278 p.

40. Baltic Sea Region Programme. Power of cooperation: 46 Transnational projects. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/cooperate/baltic/pdf/46_project_brochure.pdf (15.07.2020)

41. The European Union Strategy for the Baltic Sea Region. Available at: <https://www.balticsea-region-strategy.eu/> (15.07.2020)

42. Doria L., Fedeli V., Tedesco C. Rethinking European Spatial Policy as a Hologram: Actions, Institutions, Discourses. Ashgate Publishing, 2006. 320 p.

43. Nordic-Baltic Space Transnational Development Perspective Participating Cities and City-Regions. Urban Environment Publications, 2019.

Available at: https://www.eurometrex.org/wp-content/uploads/2019/08/Baltic_Space_TULOSTUS-compressed.pdf (07.07.2020)

44. Mikheeva N.N. Strategy of spatial development: a new stage or repetition of old mistakes? [Strategiya prostranstvennogo razvitija: noviy eta pili povteorenie star'ih oshibok?]. IVF. 2018. No. 5. Pp. 158–178. (rus)

45. Potemkina O.Yu. The Formation of a renewed Europe (European space of freedom, security and law and order – a new EU project) [Stanovlenie obnovlennoj Evropy (Evropejskoe prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravoporyadka – novyj proekt ES)]. Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2001. No. 3(7). Pp. 24–36. (rus)

Information about the authors

Monastyrskaya, Marina E. PhD, Assistant professor. E-mail: gradoved@gmail.com. Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. Russia, 190005, Saint Petersburg, 2-nd Krasnoarmeyskaya st., 4.

Peslyak, Oksana A. Senior lecturer. E-mail: opeslyak@mail.ru. Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. Russia, 190005, Saint Petersburg, 2-nd Krasnoarmeyskaya st., 4.

Received 20.07.2020

Для цитирования:

Монастырская М.Е., Песляк О.А. Специфика градостроительного планирования крупных урбанизированных территорий в скандинавских странах. Часть I: монополия муниципального планирования в Швеции // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2020. № 8. С. 46–60. DOI: 10.34031/2071-7318-2020-5-8-46-60

For citation:

Monastyrskaya M.E., Peslyak O.A. Specifics of urban planning of large urbanized territories in the Scandinavian countries. Part I: monopoly of municipal planning in Sweden. Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov. 2020. No. 8. Pp. 46–60. DOI: 10.34031/2071-7318-2020-5-8-46-60